

ББК77.58 Ж71

Корни и Крылья.: И. М. Ильинский — Ж71
М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 252 с. ISBN 978-5-98079-397-5

ББК 77.58

Книга посвящена празднованию юбилея ректора Московского гуманитарно-го университета профессора И. М. Ильинского. В ней представлены материалы мероприятий, проходивших 21-29 июня 2006 г. в МосГУ: юбилейного вечера, торжественного заседания Ученого совета университета, научной конференции «Гуманитарные науки и высшее образование», а также списки основных трудов И. М. Ильинского, наград и поздравлений.

ISBN 978-5-98079-397-5

© Московский гуманитарный университет, 2008

© И. М. Ильинский, 2008

И. М. Ильинский

Корни
и
Крылья

повествование о родословной

**Москва
2008**

ВСТУПЛЕНИЕ

*«Человек без племени, что земля без семени»
(старинная русская пословица)*

«Кто я такой? Какого роду-племени? Кто мои деды и прадеды? Как далеко уходит в прошлое мой род? Почему моя фамилия, мое имя именно такие, а не другие? Что они означают, есть ли в них какой-то смысл?» — эти и подобные вопросы рано или поздно задает себе любой нормальный человек.

Начал задавать себе эти вопросы и я, пишущий эти строки. Увы, позже, чем следовало: родители уже ушли из жизни, и никаких родословных росписей не оставили. Да и знали они наверняка не так уж много, а если и знали, то кое о чем, быть может, самом главном, не сказали бы, даже если бы мы их спросили... И этому есть серьезные объяснения.

Родители наши и мы, их дети, жили во времена, когда «хорошую» и «правильную» историю России, а в этом свете и поколенный счет безопасней всего было начинать с Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, с момента возникновения «государства рабочих и крестьян».

Ни о хороших сторонах такого устройства советского общества (а их было немало), ни о плохих (их было не меньше) рассуждать в этой книге не место. Но были в его основе теоретические нелепости, которые на практике породили множество тяжелых последствий.

Вот один из таких постулатов, имеющих прямое отношение к тому, о чем дальше пойдет речь.

Главной ценностью, реальным единством, гегемоном, стоящим над остальной

частью народа, в том числе и крестьянами, не говоря о прочих «прослойках», был объявлен пролетариат. Класс угнетенный, приниженный нуждой, отравленный завистью, злобой и местью, не имеющий внутри себя никакой творческой избыточности, был назначен классом-мессией... Теоретически и на практике утверждалась «диктатура пролетариата».

С этого момента едва ли не всё прошлое страны, кроме народных волнений и восстаний, имен бунтарей и революционеров, полагалось считать «плохим». Хорошо было тем, «кто был ничем», чьи родные корни уходили в толщу «пролетарских масс». Но не дай бог — в какой-нибудь богатый, знатный (литературный, военный, церковный и т. п.) род. Многие люди были вынуждены скрывать своё истинное происхождение и на вопросы различных анкет при приеме на работу, поступлении на учебу, поездке за границу отвечали «как надо», что-нибудь придумывали («из служащих» и т. п.). Шли на обман. По существу, отказывались от своих предков, становясь людьми без прошлого и традиций. Часто получалось так, будто первым коленом истории множества советских семей стали их отцы и матери, а имена и жизни родоначальников терялись где-то во тьме веков, словно их и не было.

В этом смысле Октябрьская революция имела страшные последствия: миллионы людей, а можно сказать и весь народ огромной страны, стали «Иванами, не пом-

нящими своего родства¹». Ведь в результате революции, основанной на жёсткой идеологии, почти полностью (в лучшем случае) были изгнаны за границу или опущены в самые низы — в чернорабочие, в обслугу — представители высшего духовного, политического, делового слоев этого народа: философы, ученые, писатели, поэты, священнослужители, промышленники, купцы, банкиры, инженеры, военачальники, офицеры. Между тем это была самая просвещённая, творческая и духовная, наиболее породистая, энергичная и деловая часть нации, на формирование которой в процессе естественного отбора в развитии России ушли столетия...

Культурный слой в любой стране очень тонок. В многомиллионной России, где отмену крепостного права (а по сути дела — рабства) в 1861 году и революцию 1917 года разделяли всего 56 лет, где эта форма рабства стала законом в 1497 году и существовала более двух с половиной веков, счет высокообразованных и культурных людей шёл на тысячи, и каждая единица была самоценной по своим качествам, так что сопоставлять её с каким-нибудь человеческим количеством просто нелепо. Без этого тонкого духовного слоя народ превращается в население, именно — в массу...

В первые послереволюционные годы общество жило верой в «светлое будущее». Многое быстро, прямо на глазах, менялось именно в эту сторону. Верили Ленину, верили Сталину. Что бы ни говорили сегодня о них, это были личности идейные, одержимые. У них были свои апостолы и своя паства. За ними, часто со страхом, но шли — на Гражданскую войну, на индустриализацию и коллективизацию, в окопы Вели-

кой Отечественной. Страдали, умирали, но — шли.

Новый культурный строй нарождался согласно новой идеологии, ускоренно и с огромным трудом набирал силы. Многое получилось, но в целом — не удалось. Качество духовной жизни в стране понижалось. В конце концов могучее вроде бы государство оказалось без самых главных опор — без тех самых духовных и нравственных корней, которые уходят в толщу веков и от которых к человеческим единицам, к новым нарождающимся поколениям текут живительные соки: интеллект, традиции, обряды, нравы и обычаи, одним словом — национальная культура, скрепляющая массу в нацию.

Не было у общества достаточного культурного багажа, который должен состоять из системы истинно-сущих духовных и моральных ценностей, имеющих внутреннюю иерархию (самые главные, главные, важные, первостепенные, менее важные, второстепенные и т. д.).

Не надо думать, будто вожди и правители СССР вовсе не понимали необходимости в новом обществе нравственных и духовных опор. В 1961 году XXII съезд КПСС принял очередную, третью Программу партии, которая включала Моральный кодекс строителя коммунизма. Он содержал немало нравственных правил, которые трудно отвергнуть: «Кто не работает, тот не ест»; «Каждый за всех, все за одного»; «Человек человеку друг, товарищ и брат»; провозглашались моральными ценностями честность, правдивость, скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; дружба и братство всех народов и другие.

¹ Выражение «Иван, родства не помнящий» возникло в царской России в дореволюционные времена. Пошло оно от преступников, бежавших с каторги. Пойманные полицией без документов и желая скрыть свое прошлое, эти люди, как правило, именовали себя «Иванами», а на вопросы о родичах отвечали, что «родства своего они не помнят». Так «Иванами, родства своего не помнящими» и записывали их в полицейские протоколы.

Но что представляла собой вершина, Абсолютный идеал всей этой пирамиды ценностей? Это был идеал коммунизма. Пункт № 1 Морального кодекса дословно звучал так: «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, странам социализма». Мало того что нравственность личности изначально определялась преданностью абстрактной, по существу утопической идее, но и любить предлагалось не просто Родину, а родину социалистическую. Более того, Кодекс повелевал любить и другие страны, но только социалистические, не важно, какой они культуры — европейской, азиатской или африканской, главное — чтобы они были социалистическими. И получалось так, что если ты почему-либо невзлюбил «дело коммунизма» или какую-то из стран социализма, то, значит, ты согрешил перед Кодексом, ты личность аморальная.

Это было бы смешно, если бы мы не знали, какой горечью, а то и бедами оборачивались отступления от такого рода догм на практике...

«Моральный кодекс строителя коммунизма» усиленно, всей мощью средств пропаганды внедряли в сознание масс, но глубоко и всерьез он так и не прижился. Народ оставался без духовных опор. После Ленина и Сталина не было в стране и духовных вождей. Их место занимали люди другого, более мелкого масштаба.

Все годы советской власти семья — первичная ячейка общества — находилась в труднейшем положении. Компартия предлагала семье новые нормы и правила для воспитания новых поколений. Но они принимались далеко не во всех семьях. Особенно нашими прародителями — дедами и прадедами. И только потому, что были «социалистическими», «коммунистическими».

Из литературы и из рассказов наших родных известно, что во множестве совет-

ских семей в первые послереволюционные десятилетия каждый младший для каждого старшего был своего рода «наказанием за грехи», между поколениями существовали взаимное отчуждение, ожесточение, а то и откровенная вражда, когда сын шел против отца, и наоборот. В разлуке отец и сын тосковали друг без друга, а сойдясь и не найдя духовного единения, вновь с ненавистью расходились. Новая идеология разламывала общество на части и единицы, на атомы и математические точки, а потом кого-то обращала в свою веру, а кого-то перемалывала, стирала в «лагерную пыль».

Внутренний духовный конфликт существовал также и в семье Ильинских, и в родительской семье моей жены Морозовых, о чем будет сказано ниже.

Пишущий эти строки появился на свет в новое, советское время, в стране «победившего социализма» и потому впитывал в себя те воззрения на мир и жизнь, которые преподносили школа, литература и наши родители. А став взрослым, действовал соответственно тому мировоззрению и миропониманию, которое освоил.

Как и во все исторические времена, в советскую пору люди были разные. Очень.

Одни, не особо задумываясь о социально-политическом устройстве общества и Происходящем, просто рожали детей, честно зарабатывали свой хлеб насущный, трудились добросовестно, поскольку имели и совесть, и честь.

Другие словоблудили, подвирая в угоду власти в своих повестях и романах, газетных статьях и научных трудах, приукрашивая действительность, преувеличивая достижения, — творили Большую Ложь.

Третьи откровенно воровали, жульничали, шли к новым должностям, званиям, наградам и материальному благополучию, как говорится, по трупам.

Четвертые, уверовав в идею «светлого

будущего», не просто работали, а служили этой Идее, самоотверженно «вкалывали» ради этого «светлого будущего»: творили науку, новую литературу, новое искусство, новое образование, строили заводы, фабрики, осваивали космос, а если было нужно, защищали новый строй ценой своей жизни.

Таких было много, вероятно, большинство.

И тут возникает вопрос: «А сам-то ты, папа (дедушка, прадедушка), а сама-то ты, мама (бабушка, прабабушка), вы-то оба — к какому полюсу тяготели? Вы-то к какой группе относитесь? Какие такие особые человеческие качества проявили в этом людском разнообразии?.. Какую роль играли на сцене этого «театра»?..

Я и моя жена Светлана находились в рядах четвертой из названных групп: были комсомольцами — членами Коммунистического союза молодежи; были коммунистами — членами Коммунистической партии Советского Союза. При этом я, И. М. Ильинский, всегда был активным комсомольцем и коммунистом, более того — долгие годы находился в разряде тех, кого называли «комсомольскими вожаками». Об этом еще будет сказано.

Социализм был для нас своего рода религией, а мы были его служителями.

И вдруг в 70-е годы, еще молодыми, увидели социализм в его крайне неприглядном выражении.

Власти говорили о новой, социалистической морали, о «чувстве хозяина социалистической собственности», зная при этом, что в стране развелись миллионы «несунов», которые тащили со своих предприятий всё, что можно было спрятать в кармане или за пазухой.

На глазах у всего общества на вершинах власти, в среде госчиновников и партаппарата разворачивалась оргия алчности и наживы.

Арестовывали, судили, сажали за решетку одного за другим высоких должностных лиц. Некоторых, как директора Елисеевского магазина и замминистра рыбного хозяйства, расстреливали. Кто-то, как министр внутренних дел Щелоков, сводил счеты с жизнью сам.

Нам казалось, что мы строим школу дружбы, любви и равенства народов, но всё острее обозначались национальные распри.

Стало ясно: там, «наверху», никто всерьёз не думает о «светлом будущем», всеми владеет религия хлеба насущного. Борьба за преодоление социальных зол и неправд сопровождалась не повышением, а понижением человеческой породы.

Социального и духовного чуда не произошло. Материализм и экономизм не могли скрепить общество. Духовное всё более выветривалось из него. Уже в 70-е годы XX столетия абсолютное большинство советских семей, с точки зрения внутрисемейных связей, были очень слабыми. Мгновенный развал СССР при первых дуновениях ветра перемен во многом объясняется именно этим: ни «отцам», ни «детям» не во что стало веровать, некому было верить...

Как выживала в те годы и выживает ныне наша семья — семья Ильинских? Если не вдаваться в долгие рассуждения, ответ будет таким: «В определенный момент (когда — еще скажу) я и Светлана поняли: жить надо только своим умом-разумом, а не решениями Политбюро ЦК КПСС или указами Президента России, надеяться надо только на самих себя. То же самое и с законами — хоть Верховного Совета СССР, хоть нынешней Госдумы РФ. Жить надо по своей совести и чести. Высший орган власти для нас — наш Семейный совет, состоящий из двух человек: я да жена моя. Мы всегда обсуждаем всё главное, что случается в стране и в мире. И принимаем свои собственные решения. Ими и руководствуемся.

Можно подумать, будто нынешнее Новое время с его бешеными темпами глобализации, всемогуществом телевидения, Интернета, мобильной связи, нанотехнологиями и прочими инновациями несет такие задачи, для решения которых опыт Прошлого и старших поколений совсем не нужен, более того — вреден; будто в этой ситуации совершение новых ошибок — абсолютная неизбежность, и с этим надо смириться: Порядок рождается из Хаоса.

Правды в этом послыше — лишь малая толика. А в целом — огромное упрощенчество в понимании эволюции человечества. Развитие (семьи, страны, всего мирового сообщества) во все века происходило, происходит и будет происходить по одному и тому же объективному и непреложному социальному закону — закону наследования: там, где нет наследования, а в наследовании — преемственности (суть которой в одномоментном отрицании изжившего себя и удержании всего существенного, крепкого, здорового), там нет и развития, а есть либо топтание на месте, либо «рывки», «скачки», «ускорения», «перестройки», а по сути — откаты назад. И тогда каждый раз — всё сначала. Как это произошло с Россией в начале 90-х годов XX века: новый виток бедности, нищеты и убогости во всех отношениях — интеллектуальном, материальном, духовном, нравственном.

Сегодня российская семья в еще более тяжелом кризисе, чем в советские времена. Причин множество. Главная — культ материального успеха, удовольствий и наслаждений. Традиционное понимание отцовства и материнства как жертвенной любви ради воспитания и блага детей, еще жившее в советскую пору хотя бы в части семей, теперь большинством утрачено почти полностью. Имущие родители откупаются от детей дорогими подарками, отсылают их подальше от себя в престижные интернаты и университеты; бедные просто пьют и

«гуляют», нередко бросают детей или устраивают им такую жестокую жизнь, что те сами убегают из дома.

Таких семей в стране — миллионы...

Общество и сегодня не может предложить семье истинно-сущих ценностей, которые она культивировала бы из поколения в поколение, выращивая культурных людей, а тем самым — культурную нацию. Увы... Значит, семья сама должна позаботиться о том, как и чем ей жить сегодня, как сохранить себя и свой род в будущем.

На алтарь семьи должны быть положены семейные ценности, а в качестве примера и образца — семейные ценности тех фамилий, которые не утратили нравственных и духовных основ, не разорвали связи с семейно-родовым укладом прошлых лет, доказали свою жизнестойкость и жизнеспособность на всех переломных этапах отечественной истории, сознают свою ответственность перед новыми поколениями своего рода и своей Родины...

Дети и внуки как должное, с охотой наследуют материальные богатства — деньги, вещи. Так повелось исстари и всюду в мире.

Но если говорить всерьез, есть только два настоящих дара, которые человек может оставить в наследство: первый — родовые корни, второй — крылья — принципы и духовные ценности, в число которых входят — Жизнь, Истина, Мир, Доброта, Трудолюбие, Честь, Совесть, Справедливость, Красота, Служение Отечеству и другим людям, многие иные вечные добродетели, которым следовали предки. Вот оно — истинное богатство и наследие. Доброе имя и заветы предков о том, как добывать хлеб насущный честным трудом, несравнимо важнее наследств материальных.

Человек должен иметь Прошлое, а в Прошлом — нечто такое, чем можно гордиться.

Человек, гордый по-настоящему, не

знает, что такое «вышестоящие» и что такое «нижестоящие», кто начальник, кто — подчиненный. Такой человек равноудален и равноприближен к тем и другим. Он сам себе Слуга и Господин.

Гордость — это мотив, это стимул в жизни.

Гордость требует от человека великих дел.

Гордость — залог успеха и счастья.

Гордость — тонкая материя!..

Гордость сама по себе не является добродетелью, тем более каким-то врожденным качеством человека. Гордость передается не по законам генетики, а воспитывается, приобретается по мере понимания человеком своих собственных способностей, достоинств своего рода, своей нации, своей страны.

Гордость соприкасается с пороками и сама становится пороком, если перерастает разумные пределы. Тогда она зовется гордыней и превращается в источник зависти, тщеславия, высокомерия, надменности, презрения к другим, начинает разрушать человека, заставляя его предпочитать ложь и обман истине и чести, предательство — служению. Таков удел людей мелких душой, слабых умом и волей, не способных достичь успеха и счастья собственными усилиями. Бессилие — источник свирепой гордыни.

Остерегайтесь таких людей! От них исходит зло, они источают опасность. Слабые, но высокомерные, они берут в руки знамя побед своего народа, национальной гордости или славы своих предков и бросаются в бой за своекорыстные интересы, возглавляют толпы заблудших людей и влекут

их к гибели. Так велось исстари, то же наблюдаем мы и ныне.

Оглянитесь вокруг: толпы низких людей занимают высшие должности. Они говорят, говорят, говорят и не желают никого слушать. Их уши заткнуты тщеславием, их глаза закрыты пеленой самодовольства, а ум занят одним: откуда бы урвать, да побольше. Прокру от них никакого, сплошной вред.

Но гордость, если она разумна и умеренна, неизменно становится матерью множества добрых человеческих свойств.

Гордость в её истинном смысле — это целая философия жизни, заставляющая человека глубоко копаться в самом себе, вести напряженную духовную работу, дабы поднять свой внутренний мир до уровня лучших образцов ума, души и воли.

Не гордится тот, кому нечем гордиться. За скромность и гордость иногда уважают, а иногда презирают. Все зависит от умения быть как скромным, так и гордым. Скромность только тогда обретает ценность, когда есть чем гордиться. Тогда можно позволить себе быть скромным. Ну а если ты ноль без палочки? Чтобы стать чем-то, впереди нулей должны появиться цифры. А если этого не происходит?.. Тут ничего не остается, как тихонько сидеть в своем углу и гордиться скромностью.

Воистину гордый человек не выставляет свою гордость напоказ, а носит её в себе. Достоинства и успехи, если они есть у человека, видны всем — светятся в его глазах, угадываются в осанке и походке.

Границы гордости и гордыни, скромности и тщеславия подвижны, но всегда проходят через нас.

Вот Господь Бог.. Он создал мир и человека. Но молчит. Более того, его никто и никогда не видел даже. Вот это — Гордость!

Наши фамилии

Фамилией считается наследственное имя семьи, которое сохраняется (как минимум) в трех поколениях. В стародавние времена фамилий у русских не было — их заменяли даваемые при крещении имена или прозвища.

Всем известен, например, князь Юрий Долгорукий — основатель города Москвы. Но Долгорукий — это не фамилия, а прозвище, которое от князя не унаследовал никто из его потомков.

Фамилии на Руси появились лишь в XV веке и сначала только у знатных людей, происходили в основном от названия их княжеств и вотчин: Шуйский, Воротынский, Ростовский и так далее.

Позднее фамилии стали появляться у купцов, для которых фамилия была необходима как ручательство за чистоту сделки не только конкретного купца, но и всего рода.

Процесс обретения фамилий купцами длился долгие годы. Так, по данным

переписных листов 1722 года, в Москве в Кадашевской слободе каждый десятый купец был бесфамильным.

Крестьяне начали получать фамилии только после отмены крепостного права во второй половине XIX века — с 1862 года. Фамилии простых людей образовывались от имени, прозвища или профессии отцов: сын Ивана — Иванов, сын столяра — Столяров. Иногда фамилии происходили от женских имен: Софьин — сын Софьи, Марьин — сын Марьи.

Таким образом, уже по происхождению фамилии можно определить ее древность, а иногда нащупать сословность своего рода, связать его историю с историей страны и тем самым хотя бы в самой общей форме ответить на вопрос: «Откуда я?»

И лучше, если человек узнает об этом пораньше: фамилия и имя, несомненно, влияют на сознание, образ жизни и поведение человека, а в конечном счете — на его судьбу.

ФАМИЛИЯ «ИЛЬИНСКИЙ»

Небольшой экскурс в историю русских фамилий необходим для того, чтобы показать разнообразие причин возникновения фамилий вообще и понять происхождение фамилии «Ильинский», которую носим я, моя супруга и наши дети. Ведь это титульная (главная) фамилия рода. С этой целью изучены многие источники, найдено немало интересной информации.

Согласно Б.-О. Унбегауну, автору всемирно известных трудов по онамастике (науке об именах людей и животных), фамилия «Ильинский» относится к разряду древнерусских фамилий, образованных от имен святых. В главе IX, § 1 «Фамилии православного духовенства» книги

Обложка книги Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии»

Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии» сказано, что фамилии, базирующиеся на обычной форме крестильного имени, могут происходить от а) имени святого, б) от церкви, названной в честь его¹.

После христианизации Руси в 988 году каждый восточный славянин получал от священника во время официальной церемонии крещения наряду с мирским, языческим еще одно (второе) имя, которое и называется «крестильным». Крестильные имена соответствовали именам святых и были обычными христианскими именами греческого происхождения.

Например, новгородский посадник, имевший мирское имя Остромиръ, при крещении был обозначен как Иосиф². «Клику святых было причислено несколько русских князей», однако «все они были канонизированы под христианскими, то есть греческими именами: Владимир как Василий, Борис как Роман, Глеб как Давид (все трое умерли в 1015 году), Всеволод как Гаврила (умер в 1138 году), Игорь как Георгий (умер в 1147 году)»³. Любопытно, как пишет Унбегаун, что их христианские имена были вскоре забыты и сейчас они известны как святые только под языческими именами. Церковь признала и некоторые другие старорусские имена — Ярослав, Мстислав, Ростислав, Святослав, Олег⁴.

Поскольку христианство в Киевской Руси имело значение государственной религии, то новое, крестильное, имя в обязательном порядке принудительно получал каждый новорожденный.

Имя, данное при крещении, обозначалось в древнерусском языке словом «имя», а для внутрисемейных обиходных прозвищ использовалось выражение «мирское

имя». Но вскоре термин «мирское имя» был вытеснен термином «прозвище».

Христианские имена (Илья, Петр, Георгий, Яков, Александр и др.), которые русские люди получали с момента крещения Руси, не были никак связаны с вековой традицией, что создавало трудности правящим родам, в которых преемственность исконных русских имен предков имела чрезвычайную значимость. Тем не менее первыми проводниками новой, христианской, традиции имянаречения на Руси, как отмечает Н. М. Тупиков, «стали не кто иные, как князья Рюриковичи, ранее других принявшие крещение и получившие христианские имена»⁵.

Укоренение крестильных имен и фамилий было длительным культурно-историческим процессом, занявшим не одно столетие. Они вытесняли языческие имена очень постепенно.

Крестильные имена и фамилии давались не только при крещении ребенка, но также при посвящении в сан выпускников духовных учебных заведений (школ, семинарий, академий). Такой чести удостаивались далеко не все, а только те, кто особо выделялся в учебе и поведении. Духовные пастыри давали им также фамилии, образованные от имен святых. От женских имен святых здесь возникли фамилии Анненский, Варваринский и другие. От мужских — Андреевский (Андрей Первозванный), Георгиевский (Георгий Победоносец), Петровский (апостол Петр), Сергиевский (Сергий Радонежский), Дмитриевский (Дмитрий Солунский), Ильинский (Илья-пророк) и др.

В подтверждение своего вывода Б.-О. Унбегаун приводит примеры крестильных

¹ См.: Унбегаун Б.-О. Русские фамилии : пер. с англ. 2-е изд., испр. М. : Издат. группа «Прогресс», 1995. С. 20.

² Там же. С. 12.

³ См. там же.

⁴ Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 12.

⁵ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 14

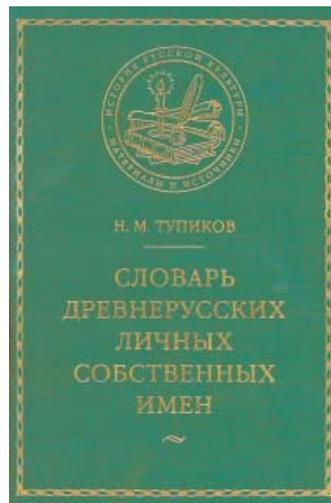
фамилий: «Андреевский, Дмитриевский, Зосимовский, Константиновский, Лавровский, Николаевский, Петровский, Флоровский» и в том числе называет фамилию «Ильинский».

Семинаристы «тихого поведения и громких успехов» могли получить фамилию от религиозных праздников: Рождественский, Успенский, Троицкий, Воскресенский и т. д.

В «Энциклопедии русских фамилий»¹ на странице 195 сказано: «ИЛЬИНСКИЙ. Фамилии, возникшие от крестильного имени, связаны... с именем святого (Илья Пророк — Ильинский)». На странице 24 этой же книги отмечается: «Разумеется, такие фамилии могли образовываться не только от имени святого, но и от церкви в его честь, и от названия местности, просто от фамилии, Ильин — Ильинский».

Б.-О. Унбегаун также считает, что тип древнерусских фамилий на «-ский» образован от географических названий. Их носителями были те представители боярства и дворянства, которые получили имена по названиям своих княжеств, уделов, наследованных владений, поместий и передавались от отца к сыну как символ территориальной власти.

Например, княжеская фамилия «Бярятинский» происходит от названия родового имения Борятино (ныне Калужская область). Ее родоначальником является князь Александр Мезецкий по прозвищу Борятинский (конец XIV века). Древняя русская фамилия «Заболотский» означает, что имение основателя этого рода Василия Ивановича Всеволож находилось «за болотом». Алексей Заболоцкий — боярин и воевода Ивана III. Семен Заболоцкий — боярин при Иване Грозном. Княжеская фамилия Вяземский происходит от названия главного родового городка — Вязьмы. Князь Афанасий

Энциклопедия русских фамилий

Вяземский (1570 г.) был приближенным Ивана Грозного. По этому принципу появились дворянские фамилии Дубенский (Дубна), Дубровский (Дуброва), Ржевский (Ржев), Тихвинский (Тихвин), Тухачевский (Тухачево) и многие другие.

По поводу суффикса «-ский» Б.-О. Унбегаун в своей книге «Русские фамилии» также отмечает, что в «Тысячной книге» (1550 г.) из 93 княжеских фамилий 40 оканчивались на «-ский». Княжеские роды: Воротынский (Воротынск), Глинский (Глинск), Мезецкий (Мезецк, а в древности Мезческ), Пожарский (деревня Пожарка), Прозоровский (Прозорово), Хованский (река Ховань), Шуйский (Шуя), Курбский (деревня Курба на реке Курбица), Трубецкой (от Трубчевск) и т. д.

Однако в книге «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи» (составитель граф Александр Бобринской. Часть II (с начала XVII столетия до 1885 года). С.-Петербург, 1890 г.) на странице 1 в главе «Ильинские и графы Ильинские» (выписка из Родословной книги Князя Долгорукова III, 140) говорится, что «фамилия Ильинских (Ilinski) поль-

¹ Энциклопедия русских фамилий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

ского происхождения и была известною на Волыни в начале семнадцатого века. Одна ветвь ее, поселившаяся в воеводстве Смоленском, поступила в русское подданство по возвращении (!) Смоленска России, при Царе Алексее Михайловиче». Известно также, что «потомки их, Ильинские, многие равным образом служили Российскому Престолу дворянские службы и жалованы были в 1699 и других годах от Государей поместьями. Все сие доказывается разными справками, означенными в определении Курского дворянского собрания и родословною Ильинских»; что «некто Кирилл Ильинский с сыном Саввой приехали из Польши в Белгород, и было это в 1654 году; что они и их род были дворянами, а некто Илинские в Польше — графами, занимали важные посты и т. д.».

Как же быть: считать фамилию «Ильинский» исконно русской или польской? Я полагаю, что должен присоединиться к выводам ученых и согласиться с тем, что по своему первичному происхождению это фамилия не просто русская, а древнерусская. Ссылки на Гербовник Российской империи, которые приведены, несомненно, важны. Но правомерно ли на этом основании утверждать, что Кирилл Ильинский — первый в истории русского народа Ильинский? Что, если он, Кирилл Ильинский, приехал из Польши, в которой эта фамилия (Piński) была широко распространена, означает ли это, что она польская?

На мой взгляд, это утверждение легко опровергается, если к вопросу, как этого и требует наука, подойти исторически.

На момент составления Гербовника Российской империи (конец XIX века) ономастика — наука, изучающая имена и фамилии, отчества и прозвища людей, только зарождалась. Об этом говорится, в

частности, в рецензии («разборе») профессора Е. Ф. Карского на рукопись «Словаря древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова в связи с представлением его выдающегося труда к Ломоносовской премии¹. Имена и фамилии самого Гербовника, на который сейчас ссылаются исследователи, были взяты из грамот и актов, писцовых книг, в которых не было (и не должно было быть) никаких указаний на происхождение фамилий.

Между тем после принятия христианства (998 г.) на Руси появились имена, которые носили апостолы Христа: Петр, Андрей, Матвей и др., а также святых пророков, и прежде всего имя первого святого пророка — Илии (Ильи). Резонно предположить, что вслед за этим, позднее, появилась и фамилия «Ильин», от которой, в свою очередь, возникла фамилия «Ильинский». Например, Н. М. Тупиков упоминает под 1617 годом Григория Ильина, Вологодского боярского сына², то есть задолго до 1654 года, когда на Руси появились Кирилл и Савва Ильинские.

У составителей Гербовника и других подобных книг не было задачи изучать и доказывать происхождение той или иной фамилии. Это были писари, а не исследователи, они фиксировали очевидное — факты, представленные представителями родов.

Постепенно русских фамилий на «-ский» на Руси и потом в России становилось меньше. По мнению Б.-О. Унбегауна, это объясняется спецификой системы землевладения на Московской Руси.

«Наследственных владений (вотчин) было мало, — пишет Унбегаун. — Огромные территории занимали так называемые поместья, управлявшиеся помещиками. Поместье давалось царем в награду за службу, военную или гражданскую. После

¹ См.: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 885–899.

² См.: Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 49.

смерти владельца оно отходило в казну и в дальнейшем могло быть передано новому владельцу. Размеры поместья не были твердо установлены, и при переходе к новому владельцу оно могло увеличиваться или уменьшаться в зависимости от разных обстоятельств. Частая смена землевладельцев мешала созданию фамилий, основанных на названии поместья» (то есть с окончанием «-ский». — И. И.).

К середине XVII века, когда поместья стали наследоваться и были приравнены к вотчине, русский помещик стал дворянином в полном смысле этого слова. Однако к тому времени представители нового дворянства уже обладали постоянными фамилиями большей частью в обычной патронимической форме, то есть происходили от имени отца (Иванов, Петров, Савичев и т. п.). Это также объясняет, почему русские фамилии не содержат формальных указаний на знатность, таких, например, как частица *de* во французском и *von* в немецком.

Совсем иная ситуация сложилась в Польше, где дворяне издавна владели имениями, передаваемыми по наследству. Этим объясняется распространенность польских топонимических фамилии на *-ski* (фамилий по географическому названию). Престижность таких фамилий привела к частому использованию суффикса *-ski* буржуазией, в результате чего значительно возросло число фамилий этого типа, которые стали считать преимущественно польскими.

Исконно русские фамилии на «-ский» позднее слились и практически были поглощены аналогичными польскими, украинскими и белорусскими фамилиями»¹.

Именно в этом, на мой взгляд, и состоит главный аргумент в пользу того, что фамилия «Ильинский» является изначально

русской и древнерусской, а не польской и даже не русифицированной польской.

Обратимся еще к одному факту истории.

В I тысячелетии территорию Польши населяли славянские племена – поляне, висляне, мазовшане. Это в нынешние времена подавляющее большинство поляков – католики, то есть неправославные христиане. Но главное в другом: те и другие – христиане.

Ведь, как известно, разделение христианской церкви на православную и католическую произошло в 1054–1204 годах, то есть намного позже крещения Руси (988 г.). При всех различиях католической и православной церковью у них один Бог, одни и те же святые, один из которых – чудотворец Илия (Илья), одаренный, согласно библейским рассказам и мифам, почти божественной властью.

В более поздних славянских православных традициях (русской, болгарской, сербской) Илья-пророк выступает как персонаж, вызывающий гром, молнию и дождь, связанный с летом, плодородием и урожаем. На Руси образ Ильи-пророка трансформировался в образ богатыря Ильи Муромца, а также праздничные обряды «Ильин день», обряд Ильинского быка и др.

В России немало мест называются «Ильинскими». На Дальнем Востоке есть город Ильинский. В Пермской области – поселок городского типа Ильинский. В Подмосковье, недалеко от Люберец, поселок Ильинский, а на Рублевском шоссе – село Ильинское. В центре Москвы мимо памятника героям Плевны и Политехнического музея, прямо к Кремлю ведет улица Ильинка, а на самом музее указан адрес: «Ильинские ворота»...

¹ Унбегаун Б.-О. Указ. соч. С. 20. 2

